

МАРИЯ ПАРР

ВАФЕЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

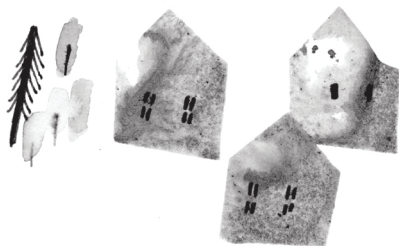

Перевод с норвежского Ольги Дробот
Иллюстрации Ани Леоновой

Москва

Самокат

ДЫРА В ЖИВОЙ ИЗГОРОДИ . . . 9

ДРУЖИЩЕ ТРИЛЛЕ
И СОСЕДСКАЯ КНОПКА . . . 13

ТУШЕНИЕ ВЕДЬМЫ . . . 20

НОЙ И ЕГО КАТЕР . . . 35

ВОЗЬМЕМ ПАПУ
В ХОРОШИЕ РУКИ . . . 51

ДЕД И БАБА-ТЕТЯ . . . 64

ИСАК . . . 81

СЧАСТЛИВОГО ВАМ РОЖДЕСТВА! . . . 89

КАК Я РАЗБИЛ ЛЕНУ В ЩЕПКИ . . . 102

ЛЕТО КОНЧИЛОСЬ . . . 111

СГОН ОВЕЦ С ПОЛЕТОМ
НА ВЕРТОЛЕТЕ . . . 125

ЛЕНА ДЕРЕТСЯ . . . 135

СНЕГ . . . 144

САМЫЙ ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ
В МОЕЙ ЖИЗНИ . . . 157

ДЕД И Я . . . 166

ПРЫЖОК НА САНКАХ С ЛЕТАНИЕМ КУРИЦЫ
И ДВОЙНЫМ СОТЯСЕНИЕМ МОЗГОВ . . . 173

ЮН-С-ГОРЫ И ЮНОВА КЛЯЧА . . . 186

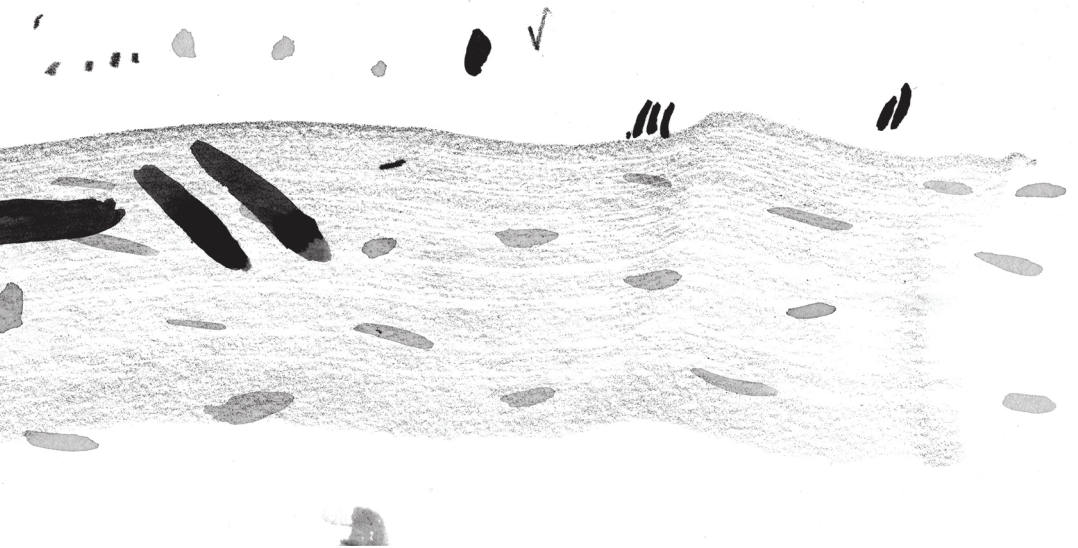
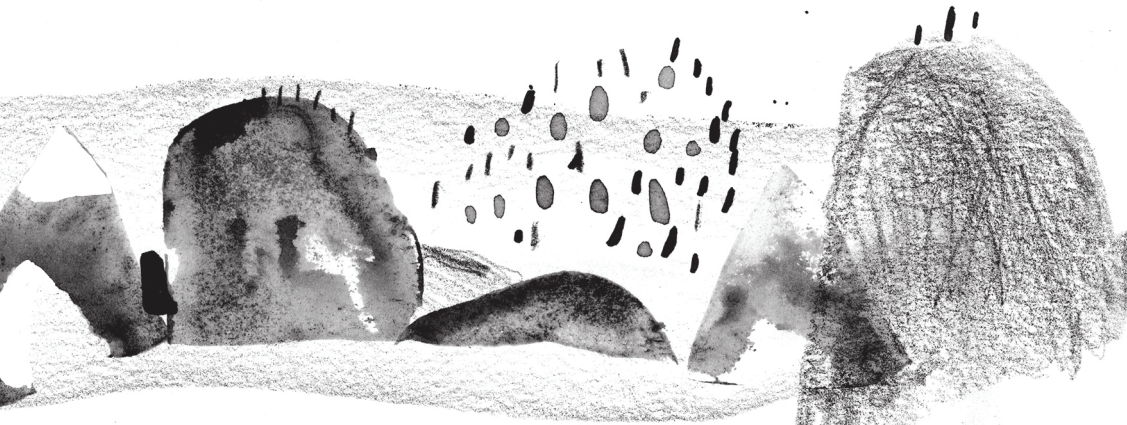
КАК ЛЕНА И Я ИГРАЛИ
В ВОЙНУ С ФАШИСТАМИ . . . 205

ПОЖАР . . . 216

ИВАНОВ ДЕНЬ: ЖЕНИХ И НЕВЕСТА . . . 232

ДЫРА В ЖИВОЙ ИЗГОРОДИ

После обеда в первый день летних каникул мы с Леной провели между нашими домами канатную дорогу. Переправиться первой, как всегда, решила Лена. Она бесстрашно забралась на карниз, двумя руками схватилась за веревку, а босые ноги закинула наверх, сцепив их в замок. Тут я понял, что она вряд ли сумеет остаться в живых. Пока она карабкалась в сторону своего дома, все дальше и дальше от нашего окна, я не дышал. Лене скоро девять, и у нее сил поменьше, чем у тех, кто немного побольше.

Примерно на середине пути ее ноги, прошуршав веревке прощальное «ш-ш-шур», соскользнули вниз. И вот Лена болтается на высоте второго этажа, цепляясь за веревку только руками.

У меня громко застучало сердце.

— Ой, — сказала Лена.

— Вперед! — крикнул я.

Двигаться вперед не так легко, как могут подумать некоторые, которые пялятся из окна, было мне разъяснено.

— Тогда виси! Я тебя спасу.

У меня вспотели ладони, так я думал. Я только надеялся, что у Лены они по-прежнему сухие. Страшно представить, если она грохнется с высоты второго этажа. Тут я и сообразил про матрас.

И пока Лена висела изо всех сил, я стащил с кровати папы и мамы матрас, вытянул его в коридор, толкнул вниз по лестнице, пропихнул в тесную прихожую, распахнул дверь на улицу и поволок его вниз в сад. Это был ужасно тяжелый матрас. Походя я сшиб фотографию прабабушки, и она разбилась вдребезги. Но лучше уж чтоб она разбилась, чем Лена.

По Лениным гримасам я понял, что когда я наконец появился в саду, она как раз собиралась падать.

— Ползаешь как черепаха, — просипела она сердито.

Две черные косички топорщились на ветру где-то в вышине. Я притворился, что ничего не услышал. Зависла она точно над живой изгородью. Пришлось мне положить матрас туда же. На изгородь. Не было смысла класть его в другое место.

Теперь Лена Лид смогла наконец расцепить руки и шлепнуться вниз, как перезревшее яблоко. Она приземлилась с мягким хрустом. Два куста в живой изгороди сломались мгновенно.

Я тихонько вздохнул. Сердитая Лена бушевала, выпутываясь из колючих веток испорченной изгороди.

— У, черт! Все ты, Трилле, виноват, — сказала она, выбравшись целая и невредимая.

Может, не я один виноват, подумал я, но вслух этого не сказал. Я очень радовался, что она жива. Все было как обычно.

ДРУЖИЩЕ ТРИЛЛЕ И СОСЕДСКАЯ КНОПКА

Мы учимся в одном классе, Лена и я. Она у нас единственная девочка. Лена говорит, что если б сейчас не начались каникулы, она б упала в кому и так померла.

— Ты и так бы упала в кому, если б я матрас не подстелил, — сказал я ей вечером, когда мы снова пошли посмотреть на дырищу в изгороди.

Но Лена сказала: вряд ли. Ну в крайнем случае заработала бы себе сотрясение мозгов. Подумаешь. Это у нее уже было. Два раза.

Но я все равно не мог не думать, что было бы, если б она упала, пока я тащил матрас. Как-то грустно, если бы она взяла и так померла. И у меня не стало бы Лены. А она мой лучший друг, хотя и девчонка. Я ей этого никогда не говорю. Не решаюсь сказать, потому что не знаю: а вдруг она меня своим лучшим другом

не считает? Иногда я верю, что считает, а иногда — нет. Это по-разному бывает. Но я много об этом думаю, особенно когда с ней что-нибудь случается, например, она падает с канатной дороги на подложенный мною матрас; тогда мне все-таки очень хочется, чтобы она назвала меня лучшим другом. Не вслух, конечно, и не при всех, а так — шепнула бы просто. Но от Лены такого не дождешься. У нее не сердце, а камень, такое закрадывается подозрение.

А вообще-то у Лены зеленые глаза и семь веснушек на носу. Она очень худая. Дед говорит, что она конь-девица, хотя на вид она больше похожа на велосипед. И в борьбу на руках Лена всем проигрывает, но это просто потому, что все жухают, говорит она.

Сам я, по-моему, выгляжу как все, у меня светлые волосы и ямочка на щеке. Необычного во мне только имя, но этого снаружи не видно. Мама с папой называли меня Теобальд Родрик. И тут же пожалели об этом. Нехорошо давать маленькому малышу такое большое имя. Но было поздно: что сделано, то сделано.

Так что я уже прожил Теобальдом Родриком Даниельсеном Уттергордом девять лет. А это немало. Это вся моя жизнь. К счастью, все зовут меня Трилле, поэтому имя мне мало мешает, разве что Лена спросит иногда:

— Трилле, опять забыла, как тебя зовут?

— Теобальд Родрик.

Тогда Лена долго и заливисто хохочет. Иногда даже шлепает себя по бокам.

Изгородь, в которой мы с Леной проломили дыру, — граница между нашими участками. В маленьком белом домике с той стороны живут Лена и ее мама. Папы там никакого не имеется, хотя Лена говорит, что для одного место вполне бы нашлось, если разобраться в подвале. В большом рыжем доме с этой стороны живу я. У нас три этажа и темный чердак, потому что нас очень много: мама, папа, Мина четырнадцати лет, Магнус тринадцати, Трилле девяти и Крёлле — ей только три. Плюс дедушка в подвале. Как раз народу, говорит мама, чтобы успевать за всеми присмотреть, чтобы все шло своим чередом. Но когда приходит Лена, народу становится слишком много,

и присмотреть за всеми уже не получается, поэтому все немедленно идет наперекосяк.

— Слушай, — сказала Лена, — по-моему, пора пойти посмотреть, не собирается ли кто-нибудь у вас пить кофе с плюшками.

И что вы думаете, она оказалась права: как раз пришел дед попить кофейку. Дед худой, лицо в морщинах, и волосы у него как сено. Он самый-самый лучший в мире взрослый.

Дед скинул деревянные башмаки и сунул руки в карманы рабочего комбинезона. Он всегда ходит в комбинезоне.

— Так-так... Дружище Трилле и соседская кнопка, — сказал он и поклонился нам. — Похоже, мы здесь за одним и тем же.

Мама в гостиной читала газету. Она не обратила внимания на то, что в кухне толпится народ. Это обычное дело — дед и Лена вечно толкуются у нас, хотя здесь и не живут. Но все время приходят. Лена проводит у нас столько времени, что стала сама себе соседкой.

Дед взял фонарик, лежавший на скамейке в кухне, и на цыпочках вошел к маме.

— Руки вверх! — закричал он и навел на маму вместо пистолета фонарик. — Кофе или жизнь, фру Кари!

— И плюшек! — крикнула Лена для порядка.

Лена, дед и я — мы умеем добыть кофе с плюшками почти всегда, когда захотим. Потому что у мамы нет сил говорить нам «нет». Особенно если мы просим воспитанно и вежливо. Уж не говоря о случаях, когда мы угрожаем ей карманным фонариком.

Отличная мы компания, подумал я, когда мы вчетвером сидели за столом, ели плюшки и болтали ни о чем. Мама сначала очень рассердилась из-за канатной дороги, но теперь снова стала веселая и вдруг спросила, хотим ли мы с Леной быть женихом-невестой на Иванов день.

Лена даже поперхнулась.

— Опять? Вы нас совсем заженить хотите, что ли?! — почти закричала она.

Нет, стала объяснять мама, она не собирается нас женить, но Лена перебила ее и сказала, что как-то подозрительно на это похоже.

— Мы с Трилле сыты по горло. Мы отказываемся, — решительно заявила она, даже не спросив меня.

Ну и не страшно. Я легко обойдусь без этого. А то каждый год на Иванов день нас с Леной наряжают женихом-невестой, сколько можно.

— Да, мам, не пойдет, — сказал я. — Придумайте нам что-нибудь другое.

Мама опять не успела рта раскрыть, как Лена грозно и упрямо сказала, что мы хотим делать на праздник ведьму для сжигания. Я чуть не ойкнул. А потом обрадовался. Почему всегда ведьму делают Мина и Магнус? Это же справедливо, чтобы нам с Леной тоже дали разок попробовать. Лена просила, умоляла, скакала, егозила и дергала маму за руку.

— Да пусть дружище Трилле и соседская кнопка сделают ведьму. А с женихом-невестой у меня есть идея получше, — вступился за нас дед.

Так и вышло, что нам с Леной поручили сделать на праздник в Иванов день ведьму. В последний раз, я думаю.

Выше наших домов проходит проезжая дорога. А за ней, еще выше, холмы, чтобы кататься с них зимой на санках и лыжах. Однажды мы с Леной сделали там трамплин, потому что Лена хотела перепрыгнуть через автомобильную дорогу на санках. Она приземлилась точно посреди мостовой и так ударилась попой, что еще два дня потом лежала на животе. Да еще откуда-то взялся автомобиль: ух и взвизгнули тормоза, пока мы мучились, сталкивая Лену на обочину.

На самом-самом верху, выше холмов, есть хутор Юна-с-горы. Он дедов лучший друг. А за хутором еще гора. Надо пройти вершину и еще немного, и тогда увидишь нашу маленькую горную избушку. До нее два часа ходу.

Нам с Леной известно все, что имеет смысл знать о Щепки-Матильды. И даже больше. Так что мы ясно представляли себе, где искать то, что нам нужно для изготовления ведьмы.

Спасибо деду, он научил нас вязать разные узлы. Мы с Леной вяжем их постоянно, хотя и вынуждены были торжественно и клятвенно

пообещать, что никогда, никогда больше не будем делать канатных дорог. Вот Лена ловко затянула двойной морской, чтобы хоть как-то стянуть нашу ведьму, а то она так и норвила развалиться. Если уж Лена берется за дело, все у нее в руках горит. Но в этот раз мы возились очень долго, потому что сено упорно вываливалось обратно из старых тряпок, которыми мы пытались его обернуть. И ведьма получилась какая-то дохлая и обвислая. Нам ведь нелегко управляться с ней, она ростом с меня и Лену. Лицом ведьма тоже не вышла. Но мы с Леной отошли подальше, наклонили голову набок и внимательно и беспристрастно оглядели нашу ведьму.

— Божественно, — сказала Лена и улыбнулась, очень довольная.

Ну хорошо, решили мы, ведьма готова, отнесем ее в старую конюшню. Но тут явился Магнус.

— А чучело вам зачем? — спросил он. — Птиц пугать?

— Это не чучело, — объяснил я, — это ведьма на праздник.